

УДК 94(470.56)

Н.Л. Семенова*

**ГУБЕРНАТОРЫ И ОРГАНЫ ДВОРЯНСКОГО СОСЛОВНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В 20–30-Е ГГ. XIX В.**

Статья посвящена анализу взаимоотношений представителей коронной власти, а именно – военных и гражданских губернаторов Оренбургской губернии с органами дворянского сословного управления края в 20–30-е гг. XIX в. Взаимоотношения коронной власти и выборных органов в губерниях Российской империи в первой половине XIX в. не были четко урегулированы законом и отличались противоречивостью. Это приводило к разногласиям и конфликтам. Механизмы их разрешения не были четко прописаны в законе, поэтому все спорные вопросы передавались на рассмотрение министра внутренних дел, Комитета министров, Сената.

Ключевые слова: военный и гражданский губернатор, губернский предводитель дворянства, дворянские выборы, Сенат, Министерство внутренних дел, Комитет министров.

Процессы реформирования российской государственности, становление современного гражданского общества заставляют исследователей вновь обращаться к изучению опыта дореволюционных представительных органов Российской империи. Одной из первых попыток привлечения общества к управлению на местах в России стала работа дворянского сословного самоуправления в конце XVIII – первой половине XIX вв.

Изучение деятельности институтов дворянского самоуправления началось во второй половине XIX в. Проанализировав взаимоотношения коронной и выборной власти в губерниях Российской империи, С.М. Середонин пришел к выводам, что уже в первые десятилетия XIX в. правительство столкнулось с двумя серьезными проблемами: во-первых, дворяне стали уклоняться от службы и, во-вторых, высшим государственным органам приходилось часто разбирать конфликтные ситуации между руководителями местной администрации и губернскими предводителями дворянства [15, с. 258]. По мнению С.М. Середонина, у этих проблем была общая причина. Она заключалась «...в неопределенных отношениях между выборными должностными лицами и губернскими властями. ... отношения должностных лиц, выбираемых от дворянства и назначаемых от правительства, не были вовсе урегулированы; губернаторы пользовались своим авторитетом, чтобы дать почувствовать должностным лицам от дворянства не только свою им подчиненность, но и полную зависимость» [15, с. 258]. В советской историографии исследователи отмечали слабость дворянских общественных организаций, их зависимость от центральной власти, полагали, что дворянское депутатское собрание занималось составлением и ведением родословных книг в губернии [10, с. 54], [9, с. 184]. В новейшей российской историографии А.Н. Бикташева, проанализировав конфликты между дворянством и губернаторами Казанской гу-

---

* © Семенова Н.Л., 2015

Семенова Наталья Леонидовна (natalja_leonid@mail.ru), кафедра истории Отечества и методики преподавания истории, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, 453103, Российская Федерация, г. Стерлитамак, Проспект Ленина, 49.

бернии в первой половине XIX в., наглядно показала, что эти разногласия ослабляли коронную власть [1, с. 374]. Главная причина конфликтов заключалась в противоречивости самой модели местного управления, когда правительство с целью восстановления баланса властей, усилило позиции предводителя дворянства [1, с. 374].

В отличие от других регионов история дворянства Южного Урала практически не привлекала внимание историков. Как считает М.И. Роднов, сказывалось восприятие Южного Урала как отдаленной окраины, где «кончалось» дворянское землевладение, восточнее, в горах лежали только хозяйства горнозаводчиков [13, с. 5]. Отдельные вопросы истории дворянства были представлены в сборниках «Река времени». И.М. Гвоздикова обобщила опубликованные материалы о предводителях дворянства Уфимского наместничества, Оренбургской и Уфимской губерний с 1782 по 1917 гг. [3, с. 20–30].

Целью данной статьи является попытка рассмотреть взаимоотношения представителей коронной власти, а именно – военных и гражданских губернаторов с органами дворянского сословного управления Оренбургской губернии в 20–30-е гг. XIX в. Решение такой исследовательской задачи позволит определить степень независимости сословного дворянского самоуправления и дополнит картину взаимодействия государства и общества в истории России.

Оренбургская губерния в первой половине XIX в. представляла собой обширную юго-восточную окраину Российской империи. По подсчетам И.М. Гвоздиковой к концу XVIII в. в Оренбургской губернии числилось 546 владельцев имений, из которых только 359 помещиков жили в «здешней губернии» [3, с. 21]. В 1801 г. сенаторы Спиридов и Лопухин в своем отчете о результатах ревизии в Сенат писали, что в ряде уездов Оренбургской губернии из-за малого числа дворян не было предводителей дворянства: в Верхнеуральском эту должность исправлял Оренбургский предводитель дворянства, в Стерлитамакском, Челябинском и Троицком – Уфимский, а в Бирском – Мензелинский [12, л. 23–23 об]. Если в начале XIX в. в выборах участвовало 57 человек, то к середине их число возросло до 355 человек [3, с. 21]. Таким образом, дворянство Оренбургской губернии было крайне малочисленно.

В соответствии с общероссийским законодательством 70–80-х гг. XVIII в. дворянство Оренбургской губернии, как местное общество, получило право регулярных собраний, выбирало губернского и уездных предводителей, кандидатов на замещение должностей в местном дворянском самоуправлении. В руках дворян правительство сосредоточило часть суда и полицию. Дворянскому собранию было дано право приносить предложения, жалобы губернатору, Сенату и императору. Губернский предводитель дворянства обеспечивал подготовку и руководство ходом работы дворянского собрания, был членом всех губернских комитетов, комиссий и присутствий.

Случаи беспорядков на дворянских выборах, столкновения выборной администрации с чиновниками от короны в российских губерниях убедили правительство, что необходимо дальнейшее совершенствование законодательства [11, с. 230]. «Положение о порядке дворянских собраний, выборов и службы по оным» от 6 декабря 1831 г. должно было более точно определить взаимоотношения коронной власти и выборных дворянских органов. Оно ужесточило требования к дворянам, обладающим правом решающего голоса [11, с. 247–273]. Лишались избирательного права дворяне, состоящие под судом до решения суда. Представители коронных властей, губернаторы и прокуроры не могли вмешиваться в дела собрания [11, с. 247–273]. Через губернского предводителя дворянское собрание было обязано исполнять все требования и распоряжения начальника губернии. Если начальник губернии считал, что при дворянских выборах были допущены нарушения или были выбраны недостойные кандидаты, то он имел право не утверждать их результаты, объяснив причины своего

решения дворянскому собранию и Министерству внутренних дел [11, с. 262]. Таким образом, положение 1831 г. более четко определяло порядок взаимоотношений коронной администрации и представителей дворянского сословного самоуправления, подтверждая, что дворянское собрание находится под контролем местной администрации в лице главного начальника губернии.

Во главе Оренбургской губернии находились военный и гражданский губернатор. Военный губернатор считался «главным начальником края» с правами генерал-губернатора, в ведении которого находилось и гражданское управление. По представлению губернского предводителя дворянства он назначал дату дворянских выборов, утверждал повестку дворянского собрания, открывал его, приводил к присяге по должности выбранных дворян [16, л. 1]. Как свидетельствуют документы, решение текущих вопросов, связанных с дворянскими выборами, военный губернатор возлагал на гражданского губернатора. Так, например, оренбургский военный губернатор П.П. Сухтелен в своем распоряжении от 13 ноября 1832 г. поручил гражданскому губернатору И.Л. Дебу совместно с губернским правлением за три дня до открытия дворянского собрания представить списки дворян, находящихся под судом или следствием. Эти списки составлялись на основании дел уголовной палаты и уездных судов [16, л. 8]. В январе 1833 г. П.П. Сухтелен из-за болезни поручил гражданскому губернатору провести «обряд приведения к присяги избранных дворян» [16, л. 62].

Передача главному начальнику губернии функций контроля за проведением дворянских выборов, его право утверждать их результаты приводили к возникновению конфликтов и споров между руководителями местной администрации и губернскими предводителями дворянства. Так, в 1823 г. оренбургский губернский предводитель дворянства С.Б. Мертваго жаловался на то, что был отстранен от своей должности военным губернатором П.К. Эссеном [15, с. 280]. Губернский предводитель дворянства С.Б. Мертваго был младшим братом Д.Б. Мертваго — известного русского чиновника, сенатора, Таврического гражданского губернатора, генерал-провиантмейстера. Как свидетельствует его формулярный список, Степан Борисович в 1797 г. был уволен с военной службы, а в 1800 г. избран Бугульминским уездным предводителем дворянства. 19 января 1821 г. С.Б. Мертваго был второй раз избран губернским предводителем дворянства на 14-е трехлетие [16, л. 56 об.].

Решение военного губернатора отстранить С.Б. Мертваго от должности было связано с проверкой работы комитета, созданного для ликвидации последствий большого пожара в Уфе в июне 1821 г. Современники считали, что пожар возник из-за неправильных действий гражданского губернатора М.А. Наврозова по борьбе с эпидемией сибирской язвы [2, л. 92]. Как писал М.М. Ребелинский в своих «Записках...»: губернатору кто-то посоветовал сжечь навоз в городе, что якобы дым очищает воздух. В овраге около р. Белой навоз подожгли, но никто не присматривал за огнем, и 1 июня 1821 г. загорелся деревянный дом, находившийся неподалеку. Поднявшийся сильный ветер разметал огонь, начался пожар, в результате которого сгорела половина города. При пожаре многие из жителей лишились всего своего имущества: «... часть их была вынуждена жить городом, под открытым небом, а другая — в ближних деревнях. Сгорели дома председателя оренбургской губернской гражданской палаты, губернского прокурора, председателя губернской палаты уголовных дел и других чиновников» [4, л. 2–4]. Император пожаловал 100 000 рублей на восстановление планировки и устройства города и «на помощь бедным погорельцам» [15, с. 281]. Для распоряжения этими деньгами военный губернатор П.К. Эссен учредил комитет в составе гражданского губернатора М.А. Наврозова, вице-губернатора Н.Д. Хирьякова, губернского предводителя дворянства С.Б. Мертваго и еще трех членов. Но в 1822 г. вновь назначенный гражданский губернатор Оренбургской губернии Г.В. Нелидов,

проверив работу комитета, пришел к выводу, что «...много денег издержано даром и многое сделано не прочно, что более 3 000 рублей роздано без расписок» [15, с. 281]. Губернский предводитель, оправдывая действия членов комитета, нанес оскорбление Г.В. Нелидову. Конфликт был передан на рассмотрение П.К. Эссена, который не только поддержал действия гражданского губернатора, но приказал уголовной палате рассмотреть дело о растратах и отстранил С.Б. Мертваго от должности губернского предводителя дворянства. Комитет министров и император признали решение военного губернатора об отрешении С.Б. Мертваго правильным. 11 июня 1823 г. П.К. Эссен сделал представление управляющему Министерством внутренних о награждении гражданского губернатора Г.В. Нелидова орденом Св. Анны I степени [5, л. 3]. Особо П.К. Эссен выделил раскрытие гражданским губернатором фактов растраты государственных средств, выделенных императором на восстановление Уфы после пожара [5, л. 4-4 об.]. Таким образом, военный губернатор, используя данную законом власть, не просто формально контролировал деятельность дворянских выборных органов, но, имея достаточные основания, мог отстранить губернского предводителя дворянства от должности.

Передача решения текущих вопросов, связанных с дворянскими выборами в Оренбургской губернии гражданскому губернатору при сохранении общего контроля в руках военного губернатора, приводили к возникновению разногласий по поводу результатов дворянских выборов. Так, в августе 1830 г. Комитет министров рассмотрел всеподданнейшую докладную записку управляющего МВД А.А. Закревского об отмене оренбургским военным губернатором графом П.П. Сухтеленом результатов выборов губернского предводителя дворянства в Оренбургской губернии. Военный губернатор не признал решение гражданского губернатора И.Л. Дебу, утвердившего по результатам выборов губернским предводителем капитана Н.С. Левашева. Военный губернатор определил на должность предводителя дворянства поручика С.А. Пальчикова, объяснив свое решение тем, что Левашев «прикосновен к разным делам», которые подлежат судебному разбирательству и известны «невыгодные сведения насчет характера и действий Левашева». Комитет министров передал вопрос на рассмотрение в Сенат, чтобы «представить законное заключение по этому спорному делу» [6, л. 8]. Сенаторов удивило, почему П.П. Сухтелен не передал известные ему сведения о «делах» Левашева гражданскому губернатору И.Л. Дебу, хотя и делегировал ему свое право утверждать результаты дворянских выборов [6, л. 11].

Военный губернатор представил подробный отчет в Сенат, указав, что помещик Н.С. Левашев принадлежал к одной из самых известных дворянских семей в Оренбургской губернии, в 1812 г. на один срок избирался предводителем дворянства Уфимского, Стерлитамакского, Челябинского и Троицкого уездов [14, с. 154–166]. В 1824 г. году крестьяне Рязанской губернии, переселившиеся в Стерлитамакский уезд, купили у помещика Левашева землю за 20 350 руб., но сразу через своих поверенных смогли заплатить только часть суммы. Однако Левашев, действуя через земскую полицию и чиновника особых поручений гражданского губернатора Еннатского, еще до решения суда стал требовать немедленной уплаты большей суммы, а поверенные от крестьян были заключены под стражу [6, л. 11 об.]. Военный губернатор справедливо заключил, что Левашев использовал свое положение и связи для решения дела в свою пользу. П.П. Сухтелен сам не смог присутствовать в Уфе на выборах губернского предводителя дворянства и поручил гражданскому губернатору утвердить результаты выборов [6, л. 12]. Губернское правление располагало информацией о «делах» Левашева, поэтому военный губернатор надеялся, что его кандидатура будет отклонена. Однако гражданский губернатор утвердил Левашева в должности. П.П. Сухтелен писал в Сенат, что главным для него является закон, который

гласит, что при утверждении кандидата на должность губернского предводителя дворянства необходимо «руководствоваться высокими понятиями о его должности» [6, л. 13].

В 1832 г. Сенат, учитывая все обстоятельства дела, пришел к выводу, что вина помещика Левашева не доказана, он не подлежит суду. Но проводить новые дворянские выборы в конце 1832 г. было неудобно. Решили оставить Пальчикова в должности губернского предводителя дворянства, и «дать знать военному губернатору о Левашеве», что он «... как лично под судом не состоящий..., может беспрепятственно участвовать в дворянских выборах и быть избираемым на должности, если дворянство на то будет изъявлять согласие» [6, л. 15]. Министр юстиции Д.В. Дашков согласился с решением Сената, подчеркнув, что не следует в таком далеком крае ослаблять власть главного начальника [15, л. 254]. Комитет министров, принимая во внимание дела, к которым был причастен Левашев, указал что «... большое количество дел никогда не располагает в пользу лица, к ним причастного; военный губернатор имел право не утвердить первого кандидата, ему не следовало только в таком случае предоставлять утверждение гражданскому губернатору» [15, л. 254]. Комитет считал, что это обстоятельство следовало отметить военному губернатору, но без «всякой огласки», чтобы никоим образом не ослаблять его власть. Военный губернатор П.П. Сухтелен ответственно подошел к выполнению своих обязанностей и использовал свою власть для отклонения недостойного, по его мнению, кандидата. Правительство поддержало военного губернатора и сделало все, чтобы не уронить авторитет его власти.

В январе 1834 г. оренбургскому военному губернатору графу В.А. Перовскому пришлось давать объяснения в МВД в связи с поступившей туда жалобой уфимского уездного предводителя дворянства Нагаткина о нарушениях, якобы случившихся во время выборов оренбургского губернского предводителя дворянства Е.Н. Тимашева [7, л. 1]. По словам Нагаткина, был нарушен пункт 40 «Положения о выборах» от 6 декабря 1831 г., который не разрешал Тимашеву участвовать в выборах, поскольку его имение за долги находилось в ведении дворянской опеки [7, л. 2]. После расследования, проведенного под руководством гражданского губернатора Н.В. Жуковского Оренбургской гражданской палатой, выяснилось, что имение действительно находилось в ведении опеки, но к моменту выборов «... деньги сполна уплачены и выданы на таковой заем из сей палаты свидетельства» [7, л. 11]. Таким образом, гражданский губернатор Н.В. Жуковский заключил, что «...в извете Нагаткина обстоятельства были на рассмотрении высшего правительства и оказались неосновательными, поэтому не предстоит дальнейшего рассмотрения» [7, л. 49]. Военный губернатор В.А. Перовский был очень высокого мнения о Е.Н. Тимашеве, он писал в МВД: «...находясь в настоящей службе по выборам дворянства с 1833 г. во всех случаях оказывает себя деятельным и полезным сотрудником местного губернского начальства в исполнении распоряжений правительства, и вверенную ему часть содержит в желаемом порядке» [8, л. 2]. Подчеркнув, что губернский предводитель является «сотрудником местного губернского начальства», В.А. Перовский более точно определил позицию главного начальника края по отношению к органам сословного дворянского самоуправления.

Таким образом, анализ взаимоотношений представителей коронной власти в лице военных и гражданских губернаторов и выборных дворянских органов Оренбургской губернии в 20–30-е гг. XIX в. свидетельствует о том, что они не были четко урегулированы законом. Это приводило к разногласиям, которые касались в основном утверждения результатов дворянских выборов. Несмотря на то, что правительство совершенствовало законодательство, механизм разрешения конфликтов не был прописан. В каждой спорной ситуации местные власти обращались за разъяснениями в Сенат,

Комитет министров, МВД. В 20–30-е гг. XIX в. правительство оставляло в своих руках контролирующие функции в отношении органов дворянского сословного самоуправления, главную задачу которых видело в выборе местных чиновников в строгом соответствии с законом. На местах эти функции выполняли представители коронной власти – военные и гражданские губернаторы, которые рассматривали органы сословного дворянского самоуправления как часть системы местного управления, которая должна прежде всего исполнять предписания правительства.

Библиографический список

1. Бикташева А.Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX в. М.: Новый хронограф, 2012. 496 с.
2. Выписки из записок уфимского старожила генерал-майора Михаила Михайловича Ребелинского // Река времени. 2014: сб. ст. Уфа: Книжная палата РБ, 2014. 172 с.
3. Гвоздиков И.М. Предводители дворянства Уфимского наместничества, Оренбургской и Уфимской губерний (1782–1917гг.) // Река времени. 2011: сб. ст. Уфа, 2011. 146 с.
4. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 4. Д. 7729.
5. ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 8377/а.
6. ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 9768.
7. ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 10822.
8. ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11225.
9. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Издательство высшей школы, 1968. 352 с.
10. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. Т. 6 (1831). Ч. 2. № 4989. С. 247–273.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1537. Оп. 1. Д. 2.
13. Река времени. 2012: Мир южноуральской усадьбы. Уфа, 2012. 176 с.
14. Свице Я.С., Ергин М.Ю. Левашевы (страницы родословной дворянской семьи) // Река времени. 2012: Мир южноуральской усадьбы / отв. ред. Ю.М. Абсалямов, М.И. Роднов. Уфа, 2012. 176 с.
15. Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров: к столетию Комитета министров (1802–1902): в 7 т. СПб.: Канцелярия Комитетов министров, 1902. Т. 1: Комитет министров в царствование императора Александра Первого (1802–1825). 608 с.
16. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Ф.И-1. Оп. 1. Д. 1033. Л. 1.

References

1. Biktasheva A.N. Anthropology of power: Kazan governors of the first half of the XIX century. M., Novyi khronograf, 2012, 496 p. [in Russian].
2. Excerpts from the notes of the old resident of Ufa Major General Mikhail Rebelinskiy. *Reka vremeni 2014: Sbornik statei* [River of time. 2014: Collection of articles]. Ufa, Knizhnaia palata RB, 2014, 172 p. [in Russian].
3. Gvozdikova I.M. Marshals of the nobility of Ufa vicegerency, Orenburg and Ufa provinces (1782–1917). *Reka vremeni 2011: Sbornik statei* [River of time. 2011: Collection of articles]. Ufa, 2011, 146 p. [in Russian].
4. State Archive of the Orenburg Region (SAOR). F. 6. Op. 4. D. 7729 [in Russian].
5. SAOR. F. 6. Op. 4. D. 8377/ (a) [in Russian].
6. SAOR. F. 6. Op. 4. D. 9768 [in Russian].
7. SAOR. F. 6. Op. 5. D. 10822 [in Russian].
8. SAOR. F. 6. Op. 5. D. 11225 [in Russian].

9. Eroshkin N.P. The history of state institutions of pre-revolutionary Russia. M., Izdatel'stvo vysshei shkoly, 1968, 352 p. [in Russian].
10. Zaionchkovskii P.A. Governmental community of autocratic Russia in the XIX century. M., Mysl', 1978, 288 p. [in Russian].
11. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Corpora II. (PSZ II)]. SPb, Pechatano v Tipografii II Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii, 1832, Vol. 6(1831), part 2, no. 4989, pp. 247–273 [in Russian].
12. Russian State Historical Archive (RSHA). F. 1537, Op. 1, D. 2. [in Russian].
13. River of Time. 2012: World of the South Ural homestead. Ufa, 2012, 176 p. [in Russian].
14. Svitse Ya.S., Ergin M.Yu. The Levashevs (pages of pedigree of noble family). *Reka vremeni. 2012: Mir iuzhnoural'skoi usad'by* [River of Time. 2012: World of the South Ural homestead]. Yu.M. Absalyamov, M.I. Rodnov (Eds.). Ufa, 2012, 176 p. [in Russian].
15. Seredonin S.M. Historical overview of the Committee of Ministers: On the centenary of the Committee of Ministers (1802–1902): in 7 Vols. SPb.: Kantseliariia Kom. Ministrov, 1902. Vol. 1: The Committee of Ministers during the reign of Emperor Alexander I (1802–1825), 608 p. [in Russian].
16. Central Historical Archive of the Republic of Bashkortostan (CHARB). F. I-1, Op. 1. D. 1033. [in Russian].

N.L. Semyonova*

GOVERNORS AND BODIES OF NOBLE CLASS SELF-GOVERNMENT OF ORENBURG PROVINCE IN THE 20–30-IES OF THE XIX CENTURY

The article is devoted to the analysis of mutual relations of members of the royalty power, namely military and civil governors of Orenburg province, with the bodies of noble class self-government in the 20–30-ies of the XIX century. The author made an attempt to define the degree of independence of elective noble bodies and comes to the conclusion that relations between the royalty and elected bodies in the provinces of the Russian Empire in the first part of the XIX century were not regulated in a legislative way and were contradictory. It resulted in disagreements and conflicts. The mechanisms of their settlement were not included in the law distinctively so all conflicts were considered by the Minister of Internal Affairs, the Cabinet of Ministers, the Senate.

Key words: military and civil governor, province marshal of nobility, noble elections, Senate, Ministry of Internal Affairs, Committee of Ministers.

Статья поступила в редакцию 7/VII/2015.
The article received 7/VII/2015.

---

* *Semyonova Nataliya Leonidovna* (natalja_leonid@mail.ru), Department of National History and Methods of Teaching History, Sterlitamak branch of Bashkir State University, 49, Prospekt Lenina, Sterlitamak, 453103, Russian Federation.